

УДК 398.224(=512.157)

DOI: 10.25587/e5144-5227-9796-w

М. Д. Чертыкова, А. Д. Каксин

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

ГЛАГОЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕЧИ БОГАТЫРЕЙ: НА МАТЕРИАЛЕ ХАКАССКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО СКАЗАНИЯ «АЛБЫНЧЫ»

Аннотация. Цель статьи – описание и выявление функционально-семантических особенностей глаголов со значением речевой деятельности в языке фольклора. Материалом для анализа послужили глаголы, репрезентирующие речевой процесс (по сути, речь богатырей / богатырш), собранные методом сплошной выборки из текстового корпуса хакасского героического сказания «Албынчы» [1]. По нашим сведениям, в данном фольклорном памятнике содержится 18 простых и 10 аналитических форм глаголов со значением речевой деятельности в более чем 500 контекстных употреблении. В работе использованы описательный (дескриптивно-аналитический) и функционально-семантический методы исследования. Актуальность нашего исследования обусловлена недостаточной изученностью языка хакасского фольклора, в частности, глагольной сферы в ракурсе антропоцентрической парадигмы, а также отсутствием специальных работ по данной тематике на материале других тюркских фольклорных текстов. Новизна проведенного исследования заключается в том, что впервые описаны глаголы, выражающие речь богатырей / богатырш, на материале героического сказания «Албынчы», как незаменимый и важный фрагмент фольклорно-языковой картины мира. В ходе исследования выявлено, что в текстовом корпусе хакасского героического сказания «Албынчы» использованы только стилистически нейтральные глаголы со значением речевой деятельности, которые обеспечивают все необходимые представления о речи богатырей. Данный факт свидетельствует о том, что язык фольклора соответствует высоким литературным нормам на всех уровнях: лексическом, грамматическом и синтаксическом. Также частотное использование конструкций с прямой речью и синтагматическое окружение глаголов говорения в исследуемом корпусе героического сказания свидетельствуют об отсутствии стремления транслировавших их сказителей к экономии речевых средств. Помимо глаголов со значением говорения прямую речь могут вводить и глаголы других лексических категорий: эмоции, действий, поведения, восприятия и др. Фольклорно-языковая система хакасов имеет много неизученных, неразгаданных, а оттого и интересных в лексико-семантическом, функционально-семантическом, когнитивном, лингвокультурологическом аспектах концептуальных полей. На наш взгляд, данная тематика имеет хороший лингвистический потенциал и перспективу для будущих исследований.

Ключевые слова: хакасское героическое сказание «Албынчы», богатырь, речевой процесс, глагол, функционально-семантический аспект

ЧЕРТЫКОВА Мария Дмитриевна – докт. филол. н., ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия.

E-mail: chertikova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7467-4388

CHERTYKOVA Maria Dmitrievna – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher, Institute of Humanitarian Researches and the Sayan-Altai Tyurkology, KatanovKhakass State University, Abakan.

E-mail: chertikova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7467-4388

КАКСИН Андрей Данилович – докт. филол. н., ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф.Катанова, Абакан, Россия.

E-mail: adkaksin@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9632-8286

KAKSIN Andrey Danilovich – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher, Institute of Humanitarian Researches and the Sayan-Altai Tyurkology, Katanov Khakass State University, Abakan.

E-mail: adkaksin@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9632-8286

M. D. Chertykova, A. D. Kaksin
N. F. Katanov Khakass State University

VERB REPRESENTATION OF THE SPEECH OF THE BOGATYRS: ON THE MATERIAL OF THE KHAKASS HEROIC LEGEND “ALBYNCHY”

Abstract. The purpose of the article is to describe and identify the functional and semantic features of verbs with the meaning of speech activity in the language of folklore. The material for the analysis was the verbs representing the speech process (in fact, the speech of heroes / heroines), collected by continuous sampling from the text corpus of the Khakass heroic legend “Albynchy”. According to our information, this folklore monument contains 18 simple and 10 analytical forms of verbs with the meaning of speech activity in more than 500 contextual uses. The work uses descriptive (descriptive-analytical) and functional-semantic research methods. The relevance of our study is due to the insufficient knowledge of the language of the Khakass folklore, in particular, the verbal sphere in the perspective of the anthropocentric paradigm, as well as the lack of special works on this topic based on other Turkic folklore texts. The novelty of the study is that for the first time the verbs expressing the speech of heroes / heroines are described on the material of the heroic legend “Albynchy”, as an indispensable and important fragment of the folklore-linguistic picture of the world. The study revealed that in the text corpus of the Khakass heroic legend “Albynchy” only stylistically neutral verbs with the meaning of speech activity were used, which provide all the necessary ideas about the speech of heroes. This fact indicates that the language of folklore corresponds to high literary standards at all levels: lexical, grammatical and syntactic. Also, the frequent use of structures with direct speech and the syntagmatic environment of speaking verbs in the corpus of the heroic tale under study testify to the lack of desire of the narrators who broadcast them to save speech means. In addition to verbs with the meaning of speaking, direct speech can also be introduced by verbs of other lexical categories: emotions, actions, behaviors, perceptions, etc. The folklore-language system of the Khakass has many unexplored, unsolved, and therefore interesting, linguoculturological aspects of conceptual fields. In our opinion, this topic has a good linguistic potential and prospects for future research.

Keywords: Khakass heroic legend “Albynchy”, hero, speech process, verb, functional-semantic aspect

Введение

Исследования фольклорного богатства отдельных этносов носят глубокий и системный характер: обсуждаются вопросы его идейного содержания, эпических мотивов, образов героев, жанровой структуры, национального своеобразия и т. д. Как писала Л. Н. Виноградова, «... фольклорные тексты могут содержать сведения об отдельных фактах бытовой и производственной деятельности, ритуально-магической практики, социо-нормативных установлений, о предметах материальной культуры и проч., т. е. на основе фольклорных данных можно восстановить некоторые архаические формы конкретного этнографического субстрата. С другой стороны, в фольклоре сохраняются и передаются во времени элементы архаического мышления, эмпирические знания, мифологические представления о мире, религиозные воззрения, т. е. отражается идеологическая и познавательная сфера человеческой деятельности...» [2, с. 102]. Я. И. Сунчугашев в статье «Хакассские героические сказания как исторический источник» подробно и обстоятельно написал о фактах историзма и архаичности, отражённых в хакассских богатырских сказаниях и подтверждающихся археологическими материалами [3]. В частности, автор пишет: «Доказательством древности произведений богатырских сказаний служат и встречаемые в них предметы вооружения, орудия труда и домашняя утварь: золотые серебряные кубки, сосуды для вина (*тозор*), медные котлы (*күлер хазаннар*), лук (*чаачах*), свистящие наконечники стрел (*чүңме*), колчан (*саадах*, *хурлуг*), медные и железные кинжалы, панцирь, доспех (*куяки*), шлем с забралом (*туулагалыг или чалаалыг пöрик*), металлические зеркала, золотые серьги и многое другое. Все указанные выше предметы, как известно, встречаются в ранних и поздних средневековых курганах Хакаско-Минусинской котловины» [3, с. 38].

Язык фольклора – это язык произведений устного народного творчества с исходной коммуникативно-эстетической функцией, он отличается от обычного разговорного языка или языка художественного произведения. О. В. Субракова отмечает, что язык фольклора – «это язык литературы высокого стиля, отработанный веками коллективным усилием многочисленных

поколений мастеров слова» [4, с. 6]. При этом в повседневном общении «племя пользовалось народно-разговорным языком, отличным от этого стилизованного и обработанного языка с обилием поэтических формул, ярких художественных сравнений и гипербол, на котором создан эпос или другое произведение» [4, с. 7]. Мы солидарны с высказанным мнением О. В. Субраковой, и наш анализируемый материал подтверждает тезис о том, что язык фольклора – это язык высокого стиля, хотя исполнители фольклора были носителями конкретных диалектов, имеющих свои лингвистические особенности. При передаче фольклорных ценностей из поколения в поколение они могли претерпевать некоторые изменения. Специфика языка фольклора определяется его традиционностью и архаизмом, его связью с диалектной речью, поскольку творцы фольклора – есть народ, говорящий на определённом диалекте. Тем самым язык фольклора – это сложная живая система, закодировавшая информацию о человеческом бытии, традиции и культуре этноса. Мы получили от далёких предков великое фольклорное наследие только благодаря языку.

Как известно, язык фольклора представляет собой особую систему, существующую отдельно от реальной действительности, а слова имеют символическое значение и превращаются в условный знак. Именно потому, что язык фольклора находится на другом уровне языковой системы, появляется необходимость системного и тщательного его изучения. В последние десятилетия научные знания на стыке фольклористики и лингвистики создают почву для нового направления – лингвофольклористики, характеризующейся продуктивными научными изысканиями на материале фольклорных текстов. Фольклорное наследие хакасов включает крупные (*алыптыг ныхмахтар, ныхмахтар*) и малые (*сөспектер, сиспектер, тахпахтар, алгастар* и др.) разновидности устного народного творчества.

На современном этапе героическое сказание «Албынчы» является одним из самых известных и популярных памятников хакасского фольклорного наследия. Данная статья является продолжением цикла статей, посвящённых лингвистическому описанию основных видов психической деятельности богатырей / богатырш в хакасском героическом сказании «Албынчы» [5–7]. Описание речевой деятельности богатырей / богатырш, выраженных глаголами, и выявление их функционально-семантических особенностей являются одним из ключевых этапов нашего исследования фольклорно-языковой картины мира хакасов.

Глаголы со значением говорения как материал исследования языка фольклора

В семантическую категорию глаголов со значением речи (или говорения) относятся глаголы, «обозначающие речевой акт в любом его проявлении: владение речью, выражение мыслей, эмоций, обмен мнениями» [8, с. 140]. Следует уточнить, что термин «речь» как форма проявления языка имеет обширную семантику. Он охватывает понятия устной и письменной речи, включая схемы, таблицы, знаки и т. д. Термин же «говорение» как устно-речевое общение представляет собой один из видов речевой деятельности и обозначает исключительно речевой процесс. Но в данном исследовании эти два термина мы используем как синонимичные понятия, представляя «речь», как и «говорение», в форме обозначения вида речевой деятельности. Под глаголами говорения (или речи) мы понимаем глаголы, обозначающие речевой процесс во всех его проявлениях: владение речью, констатацию и характеристику произношения, выражение мысли, оценки, эмоции, обмена мнениями с учётом его внешних и содержательных характеристик. Объединяет их наличие в их значениях общей категориально-лексической семы «пользоваться устной речью».

В героических сказаниях, как правило, субъектом речевого процесса является богатырь / богатырша, если же это маленький ребёнок, то в будущем он также становится богатырём. Субъект речи, эпический герой, характеризуется как активный, волевой, сильный персонаж и он читателем / слушателем воспринимается как источник собственной силы и энергии, сознательно осуществляющий, инициирующий и контролирующий все действия, по сути, героические события.

В редких случаях производителем речевого процесса может быть:

а) слуга: *Харагы чох тас чоохтап одыр*: / – Экей, Алтын Хан, ээзі кізі, / Пістеглернің чирі – суу хайдаң полар, / Ханнаң ханга, пигдең пиге, / Тойдаң тойга чөрчедедірбіс – / Пірсібіс *Харахтыг тас, пірсібіс Харагы чох тас* [1, с. 81] – **Незрячий раб говорит**: / – Экей, Алтын

Хан, хозяин всего, / У таких, как мы, откуда может быть родина, / Мы ходим от страны в страну, от бека к беку, / От пира в пир. / Один из нас – Зрячий раб, другой – Незрячий раб (здесь и далее пер. авторов);

б) коллективный субъект. *Аргал аймах чон чоохтасчададыр*: / – *Арга чирине Хан Мирген / Абахай – чахсы ал килерге парган* [1, с. 36] – Весь разный народ разговаривает: / Хан Мирген на чужую землю / Поехал за красавицей суженой. *Алыптар көрп, түкүрүктері ам тоолас тур*: / – *Хан Миргенек не хайдаг, – тисчелер, – Аннаң хорыхтырбыс тін ачырганысчалар* [1, с. 45] – Богатыри, увидев его, слюнями брызжат: / Оказывается, это Хан Мирген, – **говорят**, – Как же мы его боялись, говоря, досадуют. – *Хайди Хан Миргенні тарындырып, / Парчабыс өдіртпедібіс, тін суулаза халдылар* [1, с. 48] – [Они] **зашумели**, мол, как Хан Мирген не убил нас, / разозлившись. Заметим, что приведённые здесь предложения вступают в противоречие с тем фактом, что глаголы, имеющие показатели взаимно-совместного залога -с- и предполагающие акт взаимного общения, а также вследствие специфики своей семантики обычно не управляют прямой речью. В нашем же случае такие глаголы формируют конструкции с прямой речью и выражают фазисную характеристику речевого процесса.

Речь богатыря является одним из способов раскрытия его образа, как национального архетипа и его духовного мира. Как пишет Н. Г. Кульсарин: «В создании образа эпического богатыря наблюдается целый комплекс художественно-выразительных средств: тропы, личные имена богатырей, изображение духовных и физических достоинств героя с помощью диалогов, реплик других лиц о нём, его собственных размышлений» [9, с. 6]. Богатыри в героическом контексте представляются носителями языкового сознания и языковой личностью, понимаемой нами как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [10, с. 3]. Являясь важным показателем характеристики персонажа – богатыря, его речь выполняет одну из сюжетообразующих и текстообразующих функций.

Как показывает анализ материала, в тексте героического сказания «Албынчы» употребляются в основном глаголы, входящие в ядро лексико-семантической группы (ЛСГ) глаголов говорения (речи / речевой деятельности). «...это нейтральные глаголы говорения, обозначающие наиболее общее понятие говорения и принадлежащие к общетюркскому фонду. Эти глаголы многозначны, со свойственной им недифференцированностью значения. Остальные же члены ЛСГ группируются вокруг них, конкретизируя, уточняя с различных сторон понятие говорения. Категориально-лексическая сема, характеризующая базовый глагол говорения, характерна для всех лексем ЛСГ. Но для каждого из них свойственно больше дифференциальных признаков, чем для базового глагола» [8, с. 140].

По нашим сведениям, процесс говорения в хакасском языке обслуживается около 150 глагольными единицами [8]. Но в героическом сказании «Албынчы», мы насчитываем всего 18 простых и 10 аналитических форм глаголов со значением речевой деятельности в более чем 500 контекстных употреблениях. Как видим, в фольклоре данный процесс не пестрит разнообразием глагольных обозначений. Здесь, как правило, действуют частотные в современном хакасском языке глаголы с нейтральной семантикой. В качестве отдельной лексической единицы выступают глаголы в определённых синтетических и аналитических формах, являющиеся носителями соответствующих акциональных значений. Это:

а) глаголы, составляющие лексико-семантическое ядро ЛСГ глаголов говорения: *ти-* «сказать; говорить»; *чоохта-* «говорить, рассказывать»; *тапса-* «сказать; молвить»; *сёле-* «говорить, рассказывать»; *ізенте-* «говорить»;

б) глаголы, выражающие содержание речи: *чойлан-* «обманывать»; *хыйгыла-* «звать, окликать; бросать клич»; *хыйгы сал-* «бросать клич; букв. положить клич»; *хыйгы пас-* «бросать клич; букв. давить клич»; *изеннес-* – *минділес-* «здороваться; приветствовать друг друга»; *кіле-* «просить что-л. вещественное»; *сур-* «1) спрашивать; 2) просить»;

в) глаголы, выражающие внешнюю характеристику речевого процесса: *хысхыр-* «кричать»; *орла-* «1) реветь; кричать; 2) плакать»; *харла-* «говорить хриплым голосом; хрипеть» и др.

Глаголы со значением говорения, формирующие прямую речь. Общая характеристика

Наиболее повышенную частотность выражения речевого процесса показывают предложения с прямой речью. Синтагматические особенности подобного их использования объясняются

стремлением к субъективизации авторского повествования, а также спецификой изображения непосредственного развёртывания событий. Ясное и чёткое представление о прямой речи даёт М. К. Милых: «это форма чужой речи, которая вводится в текст авторской ремаркой и воспроизводит высказывание (или мысль) от того лица, которому оно принадлежит, сохраняя грамматические, личные, интонационные особенности. Формами прямой речи свободно передаётся индивидуальный стиль каждого говорящего и она производит впечатление восстановленной буквально» [11, с. 37]. Структура конструкций с прямой речью складывается из авторской ремарки, где указан субъект речи, и полной дословной передачи его речи. В тексте героического сказания «Албынчы» прямая речь часто сопровождается частотным глаголом *ti-* «сказать; говорить» с аффиксом настоящего обычного времени *-dip* (*тидир*), который в произведениях устного народного творчества обычно обозначает действие данного момента: – *Пага, килескі көп ол чирде, / Писке чирге чидер, – тидир* [1, с. 41] – В том месте полно лягушек и ящериц, / На пропитание нам хватит, – говорит. – *Хан Миргенім, хайди полдың? – тидир* [1, с. 46] – [Мой] Хан Мирген, что с тобой случилось? – говорит. *Я, – тидир, – чирнің чабызы чирдең сығып одырбын* [1, с. 40] – Да, – говорит, – выхожу из места, которое ниже земли. Как видим, в приведённых примерах не указывается субъект речи, поскольку он актуализируется в более широком контексте.

Предложения с прямой речью могут действовать и в «разорванном» виде, когда, например, логический акцент перемещается на позицию субъекта: *Ўзүт Арыг: – Пір чылга читкенче, / Пір палалыг пол парарбыс, – тидир* [1, с. 41] – Узут Арыг: – Через год, / У нас уже один ребёнок будет, – говорит. *Хан Мирген: «Хулатай, – тидир, – / Син чоохта Алтын Теекке, / Алтын Поос туңмазын магаа пиріп, той итсін»* [1, с. 47] – Хан Мирген: «Хулатай, – говорит, – / Ты скажи Алтын Тееку, / Пусть выдаёт замуж за меня [свою] сестрёнку Алтын Поос и устраивает свадьбу». В этих конструкциях прямая речь также сопровождается глаголом *тидир* «говорит».

Частотность общетюркского глагола *ti-/de-* определяется также тем, что «он является обычным элементом при построении прямой речи. Быть сопроводителем при прямой речи – основная функция глагола *de-* во всех тюркских языках, а констатировать факт произнесения субъектом отдельных слов или фраз является его основным значением» [12, с. 325].

Другая особенность глагола *ti-/de-* заключается в том, что «ему свойственна сема краткости речи, поэтому его сочетаемость ограничена обозначением короткого высказывания» [8, с. 26]. По семе краткости речевого процесса ему приближен глагол *тапса-* «сказать; молвить».

Второй по употребительности глагол *чоохта-* «говорить; рассказывать», как и глагол *ti-* «сказать; говорить», сопровождает прямую речь: *Хулатай палазы чоохтапча: / – Чоохтап, сөлеп пирзең, сыгарбын. / Кир палых анда чоохтады: / – Төңіс талайның түбінде ах хайа турчадыр, / <...>* [1, с. 73] – Сын Хулатая говорит: / – Если расскажешь, выйду. / Тогда Сказочная рыба рассказала: / На дне огромного моря стоит скала, / <...>. Однако чаще данный глагол в форме деепричастия выступает в сочетании с вспомогательными глаголами *тур-* «букв. стоять» или *одыр-* «букв. сидеть»:

а) *чоохтап тур-* «говорить». *Хулатай амды чоохтап тур: / – Атхан хусты ал килим, / Пызырып таа чирбін* [1, с. 31] – Хулатай сейчас говорит: / – Принесу-ка застреленную птицу, / Хоть сварю и поем. *Хан Мирген чоохтап тур: / – Аны тіргізіп пирбезең, / Синде туңма чоғыл, / Минде пиче чоғыл* [1, с. 37] – Хан Мирген говорит: / – Если его не оживишь, то я тебе больше не брат, ты мне больше не сестра (букв. в тебе нет брата, во мне нет сестры). *Хан Мирген чоохтап тур: / – Улуг-туруг кізілер чоохтасчаң: / Улуг нимедең хорыгарга чарабас, / Улуг нимедең хорыхпаза, / Улуг ниме позы хорыгадыр* [1, с. 40] – Хан Мирген рассказывает: / – Предки поговаривали: / Нельзя бояться того, кто сильнее, / Если его не бояться, / То он сам боится. *Хан Миргеннің оолгы чоохтап тур: / – Чох, абый харындас, / Төңіс талайға кіріп өлгенче, / Аттаң чазаг чөрөм* [1, с. 71] – Сын Хан Миргена говорит: – Нет, брат, / Чем помирать в огромном море, / [Я] лучше буду ходить пешком. *Түн Хара чоохтап тур: / – Арға-сүме піле чоғылбын* [1, с. 79] – Тун Хара говорит: / – [Я] не умею обматывать и хитрить (букв. не знаю никаких хитростей). В роли субъекта могут выступать и другие сказочные персонажи, обладающие даром человеческой речи: *Кир палых чоохтап тур: / – Істімнең сыгар ползаң, чоохтап пирем* [1, с. 73] – Сказочная рыба говорит: / – Расскажу, если выйдешь с [моего] живота;

б) *чоохтап одыр*- «говорить; рассказывать». *Чарых Кёёк Хыс чоохтап одыр*: / – Экей, Хулатай – абаа кизи, / Алып Хан адалыг полтырбыс, / Ай Арыг ичеліг полтырбыс [1, с. 28] – Дева Чарых Коок **говорит**: / Экей, брат Хулатай, / Оказывается, Мы имеем отца Алып Хана, / Мать Ай Арыг. *Хан Мирген амды чоохтап одыр*: / – Ызут Арыг, сині алар кизіні мин пілчем [1, с. 41] – Хан Мирген сейчас **говорит**: / – Узут Арыг, я знаю человека, который женится на тебе. *Ай Мирген чоохтап одыр*: / – Экей, Албынчы, аттаң чазаг, / Азааң даа, талып, сыстап тур полар [1, с. 78] – Ай Мирген **говорит**: / – Экей, Албынчы, безлошадный, / Наверно [твой] ноги болят и устали.

Также сопровождают прямую речь и другие глаголы в деепричастной форме на -п в сочетании с названными вспомогательными глаголами: *тур*- «букв. стоять», *одыр*- «букв. сидеть», например:

а) *тіп турадыр* «говорить». *Хыстың күлүгі Алтын Кёёк / <...> / – Иркем – кинчем, – тіп турадыр*, – / Улуг пістің чуртыбыс / Уналарға одыр амды [1, с. 18-19] – Лучшая из девушек Алтын Коок / <...> / – Душа моя, – говорит, – / Наш большой дом / Может быть разрушен;

б) *тапсап тур*- «говорить; промолвить». *Кир палых тапсап тур*: / – Ноо ниме минің істіме кір парды? [1, с. 72] – Сказочная рыба **говорит**: / – Что же проникло в мой живот? *Кир палых тапсап тур*: / – Ноо ниме минің істіме кір парды? [1, с. 72] – Сказочная рыба **промолвила**: – Что же вошло в мой живот?

в) *хыйғылап тур*- «звать; кликать». *Хочын Арыг Хыс Тас оолахтың ырын ис салды*: – Тас оолаам, пеер кил! – *тіп хыйғылап тур* [1, с. 116] – Хочын Арыг Хыс услышала песню мальчика – слуги: – [Мой] мальчик – слуга, иди сюда! – кличет;

г) *тапсап одыр*- «сказать; молвить». *Хан Мирген амды тапсап одыр*: / – Хулатай, чисте кизи, хайди хондар? [1, с. 67] – Хан Мирген говорит: / – Зять Хулатай, как [вы] ночевали?

д) *сурып одыр*- / *сурып тур*- «спрашивать»: *Хан кизи Алтын Хан сурып одыр*: / Хайдаг чирде чирліг, / Ноо сугда суглыг, тастарым полдар? [1, с. 81] – Алтын Хан **спрашивает**: / Где ваши земли, где ваши реки, мои слуги? *Алып Хан Хыс чачазы сурап одыр*: / – Иркем-кинчем Хан Мирген, / Хайдаг нимені кир килдің? [1, с. 36] – Тётя Алып Хан Хыс спрашивает: / – Душа моя Хан Мирген, / Что же ты с собой принёс? Однако, если глагол *сур*- сочетается с одушевлённым именем в винительном падеже, то приобретает значение: «просить разрешения видеть кого-л.», например, *Ай Мирген, Албынчының алнында арага тудып, / Хан Чачах туңмазын сурып тур* [1, с. 124] – Ай Мирген, подавая рюмку водки Албынчы, / Просит разрешения видеть его сестрёнку Хан Чачах.

Структурные и функционально-семантические особенности глаголов со значением говорения

Сочетание глаголов со значением говорения с вспомогательными глаголами *тур*- «букв. стоять» или *одыр*- «букв. сидеть» в тексте героического сказания «Албынчы» – наиболее распространённый вариант реализации процесса речи. При более внимательном рассмотрении приведённых иллюстративных примеров мы отмечаем следующие структурные, семантические и грамматические особенности:

– все предложения имеют одинаковую композиционную особенность: авторская ремарка с указанием говорящего субъекта стоит впереди прямой речи. Но иногда нарушается такое построение конструкций с прямой речью: *Хан Чачах палазын көре, / Читіре настыр киліп, чоохтап тур*: / – Иркем-кинчем, Хан Чачах, хараагы тўнде / Хайди полып син ойлап чөргезің? [1, с. 104] – Хан Чачах к [своему] ребёнку, / подойдя ближе, **говорит**: / [Моя] милая, Хан Чачах, почему / [ты] ходишь в ночную тьму? *Аны көріп, аны піліп, Алтын Кёёк хыс / <...>; / Адазы Алып Ханга чоохтап тур*: / – Хара Хула аттыг Хулатай абаам, / Чирнің ұстўн айландырып, / Көп нименің тынын үзіптір [1, с. 14–15] – Смотря на это и поняв в чём дело, Дева Алтын Коок / <...>; / **Говорит** [своему] отцу Алтын хану / [Мой] брат Хулатай с Вороным конём, / Обходя весь мир, / Оказывается, лишал жизни многих;

– в образованиях аналитических форм глагол с показателем деепричастия на -п несёт основную семантическую нагрузку, а вспомогательные глаголы *тур*- «букв. стоять», *одыр*- «букв. сидеть» в сочетании с глаголами различной семантики, теряя своё лексическое значение, могут выполнять функции видо-временных формантов и модификаторов. В. Г. Карпов отмечает, что «глаголы *одыр*-, *чөр*-, *тур*-, в спрягаемой форме вступая в сочетание с деепричастиями на -ып/-п

в усечённом виде (без аффикса *-ча/-че*), приобретают значения: *одыр-* – развития действия, *чёр-, тур-* – длительности действия и значение настоящего времени» [13, с. 55]. Тем самым, глаголы речевой деятельности в сочетании с вспомогательным глаголом *тур-* «букв. стоять» в своей семантике сохраняют оттенок длительности / продолжительности действия, а глаголы с вспомогательным глаголом *одыр-* «букв. сидеть» – оттенок развития данного действия.

– выражаемый сложным глаголом речевой процесс происходит в данный момент при свидетельствовании наблюдателя, констатирующего объективное положение вещей. Все эти сложные глаголы говорения характеризуются отсутствием показателя настоящего времени *-ча*. Возможное его присутствие в данном случае указывало бы на периодичность производимого речевого действия. На наш взгляд, нулевой грамматический показатель при обозначении настоящего времени показывает длительность и непрерывность процесса.

Факт того, что все события, происходящие в героических сказаниях (не только «Албынчы»), и последовательность действий персонажей локализованы в настоящем времени, связан с тем, что мифическое время сливается с метаязыковой средой. Изображаемый сказителем мир героев находится на особом пространственно-временном ракурсе. «Сакральное время не течёт непрерывно, без разрывов из прошлого в будущее, а состоит из независимых друг от друга временных образцов. Прошлое, настоящее и будущее рассматриваются не в диахроническом плане, а в рамках единой циклической модели мифологического времени. В силу этого прошлое может постоянно возрождаться в настоящем, являясь при этом и предопределением будущего. Так в настоящем сливаются прошлое и будущее, существуя одновременно» [14, с. 55]. Тем самым, в тексте исследуемого героического сказания господствует форма настоящего времени, чаще с нулевым показателем. Однако иногда встречаются глаголы со значением говорения с выраженным показателем прошедшего (и / или будущего) времени. Они описывают речевую ситуацию, которая состоялась в прошедшем времени. Как правило, они включаются в состав прямой речи, т. е. исходят из речи субъекта: – *Адам-ичем чирінең пу чирге сыгарда, / Чоохтазып сыххам, – тидір, – / Ноо алып нурун урунза, / Агаа парарга чоохтангам* [1, с. 40-41] – Перед тем, как уйти с родных земель, – говорит, – [Я] **говорила**, что выйду замуж / За первого попавшегося богатыря. *Хан Мирген анаң, айланып, чоохтап тур:* – *Алтын Теек, истиң ме, Хулатай ниме чоохтады* [1, с. 47] – Затем Хан Мирген, повернувшись, говорит: – Алтын Теек, ты слушал, что говорил Хулатай. В следующем же предложении в роли глагола со значением говорения выступает глагол со значением мышления *сагын-* «думать», который прямую речь заменяет внутренней речью богатыря: *Ай соонзар көріп сагынчададыр:* / *Алып Хан Хыс ничем / Хачан на мині айлан тін тапсабызар* ни. / *Алып Хан Хыс ничезі / Айлан тін пір дее тапсабаан* [1, с. 38] – Оглядываясь назад, **думает**: / Когда же [моя] сестра Алып Хан Хыс / скажет мне «возвращайся». / [Его] сестра Алып Хан Хыс / Ни разу не промолвила «возвращайся». Как видим, здесь в рамках внутренней речи представлен глагол **тапса-** «сказать, молвить» с показателями будущего и прошедшего времён.

В следующих же образовательных конструкциях вспомогательный глагол *пар-* «букв. идти» не полностью утратил своё первичное значение, поэтому семантика глаголов *тапсап пар-* и *хысхыр пар-* может восприниматься двояко: речевой процесс, который происходит непосредственно перед глазами наблюдателя или же речевой процесс, производимый при движении: *Ала хас хус, учух киліп, / Ыстўнче тапсап парча:* / – *Алып кізі тін пу чирге / Мин килген полгам* [1, с. 30] – Пёстрый гусь, пролетая над ним, **говорит**: / Я предполагал, что на эту землю / Я пришёл к богатырю. *Хан Мирген, позы ойда чадыбызып:* / – *Т-п-р-у!* – *тін хысхыр парадыр* [1, с. 43] – Хан Мирген лёг на спину / и **кричит**: Тьфу-у-у! Более ясный пример выражения речевого процесса при движении демонстрирует глагол *хысхыр кили(р)* «приближается, крича»: – *Парчаңарның пазын кизе саап парыбызам!* / – *Хылызын нулғап іди хысхыр кили* [1, с. 44] – Всем вам отрублю головы! / – Размахивая [своим] мечом, **кричит (приближаясь)**.

В составной части речевой коммуникации богатырей (прямой речи) используются также глаголы говорения в императивной форме в описаниях ситуаций, когда субъект речи каузирует собеседника рассказать нужную ему информацию. В таких случаях уместно сочетание глагола говорения с вспомогательным глаголом *пир-* «букв. дать» (*чоохтап пир-* «скажи, расскажи», *сөлеп пир-* «скажи, расскажи» и др.), который «указывает на непосредственную направленность

речи (на то, что речь должна быть воспринята адресатом). Также он указывает на передачу полной информации слушателю; тем самым предполагается предельный характер речевого акта» [8, с. 21]. *Хулатай, Хан Миргеннің пазын сыйбап: / – Хайди полдың, Хан Миргенім, / Чоохтап пир, – тіп турадыр* [1, с. 46] – Хулатай, поглаживая голову Хан Миргена: / – Что с тобой случилось, [Мой] Хан Мирген, / **расскажи**, – говорит. В следующем предложении к глаголу *сөле*- «говорить, рассказывать» присоединяется побудительная частица *-дек*, которая соответствует русскому «-ка, ну-ка»: *дай-ка, скажи-ка, посмотри-ка* и др. и «выражает смягчённое приказание или настойчивую просьбу, что предполагает форму второго лица единственного числа» [7, с. 21]. *Хочын Арыг чоохтап тур: / – Пілчеткен ползаң, сөлеп пирдек* [1, с. 116] – Хочын Арыг говорит: / – Если знаешь, **расскажи-ка**. Встречаются и синтетические способы выражения речевого побуждения: *Мин пілбеспін, палаларым, / Алып Хан Хыс ічеңердең сурыңар!* [1, с. 68] – Я не знаю, [мои] дети, / **Спрашивайте** у [своей] мамы Алып Хан Хыс.

Антропоцентризм речевого действия: на примере взаимосвязей глаголов разных лексических категорий

Как известно, речевой процесс характеризуется сложной, многообразной, динамической сутью, взаимодействующей и с другими аспектами психической деятельности человека: поведением, эмоциями, восприятием, действиями и др. К примеру, такие логико-семантические взаимосвязи могут быть отражены:

– в предложениях, где транслируется озвучивание субъектом своих мыслей / идей: *Сагынып алды Хан Мирген: / – Че, піди чарир неке! – тидір* [1, с. 43] – **Придумал** Хан Мирген: / – Ладно, так сойдёт, пожалуй! – **говорит**. *Хан Мирген сагын тур: / – Хулатайға хайди чойланчаң* [1, с. 45] – Хан Мирген **думает**: / – Как же **соврать** Хулатаю.

– в предложениях, где эмоции субъекта проявляются в его речи: *Хан Мирген, хорыхханынаң, / Изен ме, минді бе тіп тапсабысхан* [1, с. 40] – Хан Мирген, испугавшись, сказал «здравствуй». *Хан Мирген тарых турадыр: / Ыс күннең таап пирем, позыдыбыс, – тидір* [1, с. 42] – Хан Мирген нервничает: / Через три дня найду [его], отпусти [меня], – говорит.

Также проявления психологических взаимосвязей представлены в возможности замены глагола говорения при вводе прямой речи глаголами, обозначающими данные аспекты, – частое явление в любом языке, в том числе и в фольклорных текстах. В текстах героического сказания «Албынчы» прямую речь могут вводить:

– глаголы со значением эмоции. *Ікі алып тарых турадырлар: / – Сөлір ползар, сөлеңер* [1, с. 69] – Два богатыря нервничают: / – Давайте говорите!

– глаголы со значением действия. *Алтын меспегін сыгарып, пир тур: / – Че, Тас Оолах, тут мыны* [1, с. 117] – Достав, [свой] золотой мяч, даёт: / – Ну, Тас Оолах, держи это. *Ўзүт Арыг ічезі, көр салып, тура сегірді: / – Иркем-кинчем, Албынчы, / Пу чирге чидібөк килдің ме?* [1, с. 118] – [Его] мама Узут Арыг, увидев, соскочила: / – Душа моя, Албынчы, / [Ты] вернулся на эту землю!

– глаголы со значением мышления. *Хан Мирген сагынып ізептен одыр: / – Хайда-хайда чөрчеткен Хулатайны / Хайдаң табам ұс күннің аразына* [1, с. 42] – Хан Мирген **думает**: / Кто знает где находится Хулатай. / Как [я] найду его за три дня. *Хан Мирген сагын тур: / – Хулатайға хайди чойланчаң* [1, с. 45] – Хан Мирген **думает**: / – Как же обмануть Хулатая.

– глаголы со значением физиологического состояния / действия. *Алып Хан адазы, аны истіп, / Улуғ тынып, улуғ үскіріп одырадыр: / – Адаңмынаң Хулатай оолгым / Минің чоогымны испеен...* [1, с. 15] – [Её] отец Алып Хан, / Слушая её, тяжело дыша, **вздыхает**: / – Какого чёрта [мой] сын Хулатай / Не слушался меня... *Хулатай, Хан Миргенге күйленіп, харлап тур: / – Алып Хан Хыс пичеңні / Чахсыдаң пирерзің ме, чабалдаң пирерзің ме!* [1, с. 65] – Хулатай, придираясь к Хан Миргену, хриплым голосом говорит (букв. хрипит): / – [Свою] сестру Алып Хан Хыс / Отдавай по-хорошему или по-плохому!

– глаголы со значением восприятия. *Ыраххы чирде Чарых Кёök туңмазының / Табызы истіле түскен: / – Абаа кізі Хулатай, / Чирің сини ползын* [1, с. 29] – Где-то далеко **послышался** голос / [Его] сестрёнки Чарых Коок: / – Брат Хулатай, / Пусть эта земля будет твоей.

В подобных предложениях, глаголы, формирующие прямую речь, не теряют своего основного значения, которое уходит на задний план. А в фокусе внимания остаётся речевой

компонент. Тем самым такие глаголы, которые обладают потенциальной возможностью актуализации семы говорения в контексте, являются функциональными эквивалентами.

Функционально-семантическое назначение парных синонимов

Для текста героического сказания «Албынчы» также свойственно парное использование синонимов. Такой стилистический приём способствует более содержательной и весомой передаче обозначаемых понятий. В пределах одного контекстного образования эти синонимы соотносятся с одним объектом – референтом. Тем самым констатация частичного семантического тождества в синонимических глаголах говорения способствует акцентированию внимания и новому восприятию выражаемого ими процесса. Реализация синонимичных глаголов происходит в следующих вариантах:

– использование синонимов в качестве сложного глагола в сочетании с: вспомогательным глаголом *тур-* «букв. стоять»: *Албынчы, көріп, айап турадыр, / Ізгі осхас Ай Арыгы көріп, / Тапсап-сөлеп турадыр*: / – Че, ай-Арыг – іче кізі, / Малың, чоныңны чарып, / Минің чиріме читкейің, / Минің чирімде чуртирзың [1, с. 120] – Албынчы, видя [это], жалеет, / Смотря на подобную матери Ай Арыг, / **Говорит** (букв. молвит-говорит): – Ну, Ай Арыг – мама, / Собрав воедино [свой] скот и народ, / Дойдешь до [моей] земли, / Будешь жить на [моей] земле. *Ірнің кұлүгі Хан Мирген, / Ізгітең төрге пастырып, / Чоохтап-сөлеп турадыр*: / – Ах Хан чиріне парыбыссам, / Аттаң артың ат чыыл парған полар [1, с. 37] – Славный молодец Хан Мирген, / Пройдя от дверей к горнице, / **Говорит** (букв. говорит-рассказывает): / – Когда [я] уйду в земли Ах Хана, / Там будут самые лучшие кони. К этой же категории можно отнести одновременное использование синонимов в целях уточнения смысла: *Алтын чечпе төзінде / Ізі чоң адай ирепче бе хайдаг, / – Іди тапсап, чоохтап, иртіре учух пари* [1, с. 30] – Под золотым чечпе / Безумная собака плачет что ли, / – [Птица] так промолвив, сказав, пролетела мимо. *Хыйгылап, хысхырып чоохтап тур*: / – Мин, мин көргем, – *тидір*, – / Мыннаң мындар чуртапча, / Ах сынның алты чирде [1, с. 44] – Бросая клич, громко (букв. крича), говорит: / – Я, я видел, – **говорит**, – / Чуть дальше отсюда живёт, / В месте под Белым хребтом. *Албынчы анда чоохтап, / Хатап сөлеп тур*: / – Чирліг кізі чиріне, / Сузлыг кізі сууна малы-чонынаң нанзын [1, с. 121] – Албынчы тогда снова (букв. говоря) / Снова говорит: / У кого есть земля, / У кого есть река, Пусть возвращаются со своим скотом и подданными;

– вспомогательным глаголом *одыр-* «букв. сидеть». *Адазы полған Алып Хан амды / Чоохтап-сөлеп одыр*: / – *Иркем-кинчем Хулатай, / Ізің синің иртпезін, / Ағылың синің аспазын* [1, с. 9] – [Его] отец Алып Хан сейчас / **Говорит** (рассказывает-говорит): / – Душа моя Хулатай, / Не сходи с ума, / Не теряй [своей] головы;

– использование синонимов в дублирующихся по смыслу разных частях сложносочинённого предложения. *Че, аар адың адап пирым, / Хоор солаң сөлеп пирым*: / – *Искіде Алып Хан адаң полған, / Ай Арыг ічең полған, / Хулатай тіп абаалыг полгазың* [1, с. 24] – Ну, давай нареку [тебе] [твоё] почтенное имя, назову [твоё] благозвучное прозвание: / – В древности жил [твой] отец Алып Хан, / Жила [твоя] мать Ай Арыг, / Был у тебя брат Хулатай. *Хулатайны кем көрген, / Көрген кізі пар полза – табырах сөлебис, / Табырах чоохтабыс! – тіп кили* [1, с. 44] – Кто видел Хулатая, / Если кто-нибудь видел – **доноси** быстро, / Быстро **расскажи!** – говоря приближается;

– частое парное использование глаголов *орла-* «кричать, реветь» и *сыхта-* «плакать» в сочетании с вспомогательными глаголами *тур-* «букв. стоять» и *одыр-* «букв. сидеть». *Кігіздең киреенче чахсы чуртты / Чуртап полбадым, – тіп орлап-сыхтап турадыр* [1, с. 123] – Усевшись на царский трон, / Хулатай заревел: / – С малолетства до старости / [Я] не смог жить хорошо, – ревет-плачет. *Орлап-сыхтап одырадыр амды*: / – *Алып Хан Хыс пичемнің / Чоогын даа искен ползам чи* [1, с. 42] – Сейчас плачет-ревет: / Почему [я] не слушал советы / [Моей] сестры Алып Хан Хыс. В следующем предложении *сыхтап-орлап* «плача-ревя» в функции деепричастия характеризует речевой процесс, обозначенный глаголом *чоохтап тур-* «говорить»: *Хан Мирген, пазын көдіріп, / Сыхтап-орлап чоохтап тур*: / – *Адаңмынаң, Хулатай! <...> / Хыс сомы хызыл тас / Айна чабалның холына кір парған* [1, с. 46] – Хан Мирген, приподняв голову, / Плача (букв. плача-ревя) рассказывает: / Какого чёрта, Хулатай! <...> / В обрзе красной слуги – девушки / В руки чудовища попал. *Хулатай орлап-сыхтап тура парған*: / – *Алар минің кізім / Син дее полған поларзың* [1, с. 31] – Хулатай **начал реветь-плакать**: / –

Моя суженая / Наверно ты и есть. Думается, что парное употребление глаголов *орла-* «кричать, реветь» и *сыхта-* «плакать» способствуют передаче богатырской мощи и силе переживаемой эмоции страдания. Глагол *орла-* в хакасском языке часто выражает рёв медведей. Приведённые примеры в соответствии с жанровыми эпическими традициями свидетельствуют о том, что в героическом сказании используются способы гиперболизации. Как средство преувеличения реальности могут выступать и грамматические показатели, например, аффикс *-чададыр* в основе глагола *орла-*, указывающий на длительность действия: – *Аодаң пірге сыхханым, / Нога ла тастап пари ни, – тін орлапчададыр* [1, с. 30] – [Мой] единоутробный [букв. вместе вышедший от отца], / Зачем же он меня бросает, – воет. *Хараагы тўн пол парган. / Хулатай орлабохчададыр, / Атар таң атып, арыг кўн сыххан, / Хулатай ат палгачаң алтын чечпе тўзінде, / Хара чирні чара тырбап, / Хысхырып орлапчададыр* [1, с. 30] – Наступила ночь. / Хулатай всё ещё ревет (воет), / Солнце, которое должно взойти, взошло, / Хулатай под золотым чечпе (на которую привязывают лошадь), / Царапая чёрную землю, / Громко воет.

Таким образом, явление парного использования синонимов в героическом сказании «Албынчы» открывает определённые стилистические возможности. Синонимичные глаголы со значением говорения служат для акцентирования внимания на речевом процессе, уточнения его оттенков, усиления передачи их лексико-семантических признаков и др. При этом используются лишь стилистически нейтральные глаголы говорения, в семантике которых при переводе на русский язык невозможно более точно обозначить специфические оттенки. Выбор сказителем именно нейтральных, неэмоционально-экспрессивных, синонимов зависит от особенностей высокого стиля сказания.

Другие лексические и грамматические особенности глаголов со значением говорения

Как правило, используемые в героическом сказании частотные базовые глаголы говорения являются многозначными. Но в эпическом повествовании они функционируют только в первичном значении. Редко встречаются устойчивые сочетания и фразеологизмы. В сфере речевой деятельности можно выделить следующие фразеологические единицы:

- *улуг чоохха тўс-* «быть увлечённым разговором (букв. упасть в большой разговор)»: *Алтын Теек, Тўн Хара, Алып Хан Хыс / Паза Хан Мирген анда улуг чоохха тўсчедедірлер* [1, с. 122] – Алтын Теек, Тун Хара, Алып Хан Хыс / И Хан Мирген увлечены разговорами (букв. там упали в большой разговор);

- *улуг чоохтан-* «зарекается (букв. слишком (больше, чересчур) сказать)»: *Чалбах чирнің үстүнде / Аттаң артых ат пар, / Чарых тигір алтында / Ирдең артых ир пар. / Хайдаг улуг чоохтандың?* [1, с. 9] – На этой большой земле / Есть и лучшие лошади (букв. есть лошадь лучше лошади), / Под синим небом / Есть и лучшие мужчины (букв. есть мужчина лучше мужчины). / Не зарекайся (букв. чересчур (больше) сказал).

Также нам встретился пример, в котором глагольное образование, состоящее из инфинитивной формы на *-ер* и вспомогательного глагола *пол-* «букв. быть», которое в хакасском языке может трактоваться как «обещать»: *Алтын Теек [Алтын Поос туңмазын] нирер полчатхан* [1, с. 44] – Алтын Теек **обещал** (букв. дать-был) отдать замуж [свою] сестрёнку Алтын Поос. В другом предложении значение «обещать» выражается глаголом *молча-* «обещать»: *Айна чабалны ах чазының ортызында / Арға сүменең үс кўнге молчап, хазап килдім* [1, с. 46] – Это чудовище посреди чистого поля я воткнул / Обманом **пообещав** [что только на] на три дня.

Относительно глагольных форм настоящего времени на *-адыр / чадыр-* / *-чададыр*, встречающихся в фольклорных текстах, в хакасской лингвистике написано немало, имеются также и спорные моменты относительно их происхождения [15–17]. Данные формы присоединяются к основе глагола, например, к глаголу *чоохта-* с аффиксом возвратного залога *-н-* «говорить; рассказывать»: *Хулатай чоохтанчададыр: / Усхан одымны тамысты, / Ылген поэмыны тіргісті* [1, с. 26] – Хулатай говорит: / [Мой] потухший огонь разожгла, / Умершего меня оживила. Глагол *тапса-* «сказать; молвить» с дееспричастным аффиксом *-н-* также может принимать форму на *-чададыр*: *Кёк хус тапсапчададыр: / – От отахтың істінде / Чадыпчатхан хыс пала, / Харааң көріп, азааң пазып, / От отахтаң сыгып килерзің* [1, с. 23] – Птица Коок говорит: / – В травяном шалаше / Лежащая девушка, / Открыв глаза, наступая [букв. на землю ногами], / Выйдешь из травяного шалаша. В данном случае форма *-чададыр* в структуре глаголов

чоохта- «говорить; рассказывать», *тапса*- «сказать молвить» передаёт значение обычного настоящего, регулярно повторяющегося, постоянного времени. Как видим, при помощи лексических и грамматических средств образ богатыря приобретает масштабы эпической гиперболизации.

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели глаголы, репрезентирующие речевой процесс, с функционально-семантических позиций в текстовом корпусе хакасского героического сказания «Албынчы». По нашим сведениям, в данном фольклорном памятнике содержится 18 простых и 10 аналитических форм глаголов со значением речевой деятельности в более чем 500 контекстных употреблениях. В результате проведённого анализа и синтеза фактического материала мы пришли к следующим выводам:

- на примере глаголов речевой деятельности мы можем констатировать, что язык героического сказания «Албынчы» имеет высокий нейтральный стиль изложения, поскольку не отличается особой экспрессивностью, разговорным стилем изложения. Использование только стилистически нейтральных глаголов говорения свидетельствует о стремлении сказителей соответствовать высоким стилям изложения. Реализация литературных норм повествования происходит на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях;
- глаголы со значением говорения используются в основном в конструкциях с прямой речью. При вводе прямой речи возможны замены глагола говорения с глаголами других лексических категорий, обладающих потенциальной возможностью актуализации семы говорения в контексте;
- частотное использование конструкций с прямой речью и синтагматическое окружение глаголов говорения в исследуемом корпусе героического сказания свидетельствуют об отсутствии стремления транслировавших их сказителей к экономии речевых средств;
- наиболее распространённым вариантом глагольного образования является сочетание глаголов с показателем деепричастия на *-n* с вспомогательными глаголами *тур-* «букв. стоять» или *одыр-* «букв. сидеть», выражающим длительность речевого процесса. Развёртывание событий в героическом сказании представляется обычно глаголом в форме настоящего времени, поскольку мифическое время сливается с метаязыковой средой.

Литература

1. Албынчы. Алыптыг ныхам (героическое сказание). – Абакан : Хакасское книжное издательство, 2018. – 126 с.
2. Виноградова Л. Н. Фольклор как источник для реконструкции древней славянской духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. – Москва : Наука, 1989. – С. 89–108.
3. Сунчугашев Я. И. Хакасские героические сказания как исторический источник // Вопросы этнографии Хакасии. – Абакан : ХаКНИЯЛИ, 1981. – С. 28–44.
4. Субракова О. В. Язык хакасского героического эпоса. – Абакан : Хакасское книжное издательство, 2007. – 164 с.
5. Чертыкова М. Д., Каксин А. Д. Послелог *коре*: семантика и функционирование (на материале хакасского героического сказания «Албынчы») // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия : Эпосоведение. – 2019. – № 4 (16). – С. 88–98.
6. Чертыкова М. Д., Каксин А. Д. Концептуализация слухового восприятия в фольклорно-языковой картине мира (на материале героического сказания «Албынчы») // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия : Эпосоведение. – 2020. – № 1 (17). – С. 100–111.
7. Чертыкова М. Д., Каксин А. Д. Языковое выражение богатырского видения мира: на материале героического сказания «Албынчы» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия : Эпосоведение. – 2020. – № 3 (19). – С. 14–29.
8. Чертыкова М. Д. Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект) / Научный редактор М. И. Черемисина. – Абакан : Хакасское книжное издательство, 2005. – 180 с.
9. Кульсарин Н. Г. Образ богатыря в русском и башкирском героическом эпосе: автореф. дис. ... канд. филол. н. Специальность : 10.01.09. – Уфа, 2014. – 24 с.
10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Издание 7-е. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
11. Милых М. К. Конструкции с прямой речью как синтаксическая единица // Филологические науки, – 1961. – № 4. – С. 136–145.

12. Гаджиева Н. З., Коклянова А. А. Глаголы речи в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – Москва : Изд-во АН СССР, 1961. – С. 323–460.
13. Карпов В. Г. Изъявительное наклонение глагола в современном хакасском языке. – Абакан : Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2014. – 164 с.
14. Руберт И. Б., Долгова Н. Б. Основные характеристики мифологического времени в англосаксонских эпических текстах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2003. – Том 3. – Вып. 5. – С. 53–63.
15. Тачеева Т. Г. Хакасский хайджи С.П.Кадышев (к 80-летию со дня рождения) // Учёные записки. Вып. XI. – Абакан : Красноярское книжное издательство. Хакасское отделение, 1965. – С. 186–217.
16. Кызласова И. Л. Формы настоящего времени с участием глагола *чат*- «лежать» в хакасском языке // Коренные народы Сибири: история, традиции и современность: материалы региональной научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 12 октября 2017 г.). – Абакан : Хакасское книжное издательство, 2018. – С. 106–109.
17. Кызласова И. Л., Кичеева К. В. Глагольные средства выражения итеративности в хакасском языке // Российская тюркология. Москва : ООО «Издательство МБА», 2019. – № 1-2 (22-23). – С. 29–38.

References

1. Albynchy. Alyptyg nymakh (heroic epic). Abakan, Khakass Book Publishing House, 2018, 126 p. (In Russ.)
2. Vinogradova L. N. Folklore as a source for the reconstruction of the ancient Slavic spiritual culture. In: Slavic and Balkan folklore. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 89–108. (In Russ.)
3. Sunchugashev Ya. I. Khakass heroic epics as a historical source. In: Questions of ethnography of Khakassia. Abakan, KhakNIYALI Publ., 1981, pp. 28–44. (In Russ.)
4. Subrakova O. V. The language of the Khakass heroic epic. Abakan, Khakass Book Publishing House, 2007, 164 p. (In Russ.)
5. Chertykova M. D., Kaksin A.D. The postposition of *köre*: semantics and functioning (based on the material of the Khakass heroic epic “Albynchy”). *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2019, no. 4 (16), pp. 88–98. (In Russ.)
6. Chertykova M. D., Kaksin A.D. Conceptualization of auditory perception in the folklore-language picture of the world (based on the material of the heroic epic “Albynchy”). *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2020, no.1 (17), pp. 100–111. (In Russ.)
7. Chertykova M. D., Kaksin A.D. Linguistic expression of the heroic vision of the world: on the material of the heroic epic “Albynchy”. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2020, no. 3 (19), pp. 14–29. (In Russ.)
8. Chertykova M. D. Verbs of speaking in the Khakass language (system-semantic aspect). Ed. by M. I. Cheremisina. Abakan, Khakass Book Publishing House, 2005, 180 p. (In Russ.)
9. Kulsarin N. G. The image of the hero in the Russian and Bashkir heroic epic. Abstract of the dissertation of Candidate of Philological Sciences. Ufa, 2014, 24 p. (In Russ.)
10. Karaulov Yu. N. Russian language and linguistic personality. 7th edition. Moscow, LKI Publishing House, 2010, 264 p. (In Russ.)
11. Milykh M. K. Constructions with direct speech as a syntactic unit. *Philological Sciences*, 1961, no. 4, pp. 136–145. (In Russ.)
12. Gadzhieva N. Z., Koklyanova A. A. Verbs of speech in Turkic languages In: Historical development of the vocabulary of Turkic languages. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961, pp. 323–460. (In Russ.)
13. Karpov V. G. The indicative mood of the verb in the modern Khakass language. Abakan, Publishing House of the N. F. Katanov Khakass State University, 2014, 164 p. (In Russ.)
14. Rupert I. B., Dolgova N. B. The main characteristics of mythological time in Anglo-Masonic epic texts. *Izvestia of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*. 2003, vol. 3, issue 5, pp. 53–63. (In Russ.)
15. Tacheeva T. G. Khakassky khaiji S.P.Kadyshchev (to 80-to the anniversary of his birth). In: Scientific notes. Issue XI. Abakan, Krasnoyarsk Book Publishing House. Khakass Branch, 1965, pp. 186–217. (In Russ.)
16. Kyzlasova I. L. Forms of the present tense with the participation of the verb *chat*- “to lie” in the Khakass language. In: Indigenous peoples of Siberia: history, traditions and modernity: materials of a regional scientific and practical conference with international participation (Novosibirsk, October 12, 2017). Abakan, Khakass Book Publishing House, 2018, pp. 106–109. (In Russ.)
17. Kyzlasova I. L., Kicheeva K. V. Verbal means of expressing iterativity in the Khakass language. *Russian Turkology*. 2019, no. 1–2 (22–23), pp. 29–38. (In Russ.)